

УДК 82-3

РАССКАЗ И.А. БУНИНА «МИСТРАЛЬ» В КОНТЕКСТЕ ЦИКЛА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

© **Ольга Владимировна БОГДАНОВА**

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

© **Лю Цзыюань**

преподаватель факультета русского языка
Цзямусский университет
154000, Китайская Народная Республика, Хэйлунцзян, г. Цзямусы, ул. Сюефу, 148
E-mail: kaiji1985@163.com

Рассмотрен рассказ И.А. Бунина «Мистраль» и в ходе анализа установлена концептуальная связь текста с циклом коротких рассказов о любви «Темные аллеи». Установлены интертекстуальные связи, аллюзии, реминисценции, которые прочитываются в тексте «Мистраля» и непосредственно отсылают к сакральным философам Библии и Псалмов, позволяющие художнику затронуть философские вопросы о смысле и о сути человеческого бытия, осмыслить возможности человеческой личности, осознать ее пределы. Философский настрой повествователя-нарратора в «Мистрале» оказывался чужероден оптимистической восприимчивости взрослого героя «Темных аллей». Продемонстрировано, что «вечные» и «проклятые» вопросы человеческой жизни обретают в представлении И.А. Бунина новые философские акценты, трактуются под новым и раздумчиво итоговым углом зрения. Показано, что философско-психологические векторы рассказа «Мистраль» позволяли И.А. Бунину включить его в цикл «Темные аллеи», но пессимистическая доминантная нота авторского мировидения диктовала его самостоятельность и изолированность от циклических текстов.

Ключевые слова: русская литература XX века; И.А. Бунин; рассказ «Мистраль»; цикл «Темные аллеи»; интертекст

Наряду с циклом рассказов о любви «Темные аллеи», представляющим собой цельное тематическое и стилевое единство, в 1930–1940-е гг. И.А. Бунин писал рассказы, захватывающие иную проблемно-тематическую сферу и не вошедшие в «энциклопедию о любви». В собрании сочинений И.А. Бунина эти рассказы, как правило, выделяются в самостоятельный раздел. Однако правомерен вопрос: в чем своеобразие рассказов И.А. Бунина 1930–1940-х гг. и что их (не) связывает с циклом «Темные аллеи»?

Известно, что И.А. Бунин сознательно и тщательно отбирал рассказы для книги-цикла, более того – некоторые рассказы, не вполне подпадающие под тематическую близость, прозаик специально адаптировал к циклу, меняя их название, а следовательно, и концептуальный ракурс восприятия текста (например, рассказы «Мамин сундук» и «По улице мостовой»). В чем же своеобразие внецикловых рассказов художника той же поры, в чем их несоответствие циклу «Темные аллеи»?

Рассказов 1930–1940-х гг., которые не вошли в цикл «Темные аллеи», не так много:

в седьмом томе девятитомного собрания сочинений И.А. Бунина (1966) их всего восемнадцать. Причем период написания этих рассказов достаточно протяженен – более двадцати лет. Первый из рассказов, «История с чемоданом», датирован 1931 г., последний, «Бернар», – 1952 г. Таким образом, очевидно, что основной корпус рассказов 1930–1950-х гг. органично вписался в цикл рассказов о любви, и только малая часть – около двадцати текстов-рассказов – оказалась за его пределами.

Невключение в цикл большинства рассматриваемых рассказов не требует особой мотивации, ибо они написаны не о любви, никак не касаются любовной тематики и не могут претендовать даже на косвенную связь с основной доминантной проблематикой цикла «Темные аллеи». Так, «История с чемоданом» – рассказ о покупке героем роскошного дорого презентабельного чемодана для дальнего путешествия и история «сражения» с чемоданом во время морской качки в каюте лайнера. «Остров сирен» – почти этнографический абрис истории огромного Не-

аполитанского залива, прикаприйского побережья и воспоминаний о великом и грозном Тиверии. «Жилет пана Михольского» – ироническая сценка, связанная с двумя жилетками цвета «шкурки лягушки» и еще более редкого цвета – «шкурки хамелеона», и комичная ситуация появления известного «столичного гостя» в светской гостиной. «Ловчий» – о псовой охоте, о мастерстве ловчего, об обилии мастей гончих собак, с думами героя о прежних временах, «о временах дедушки». И так вплоть до «Бернара» – все эти рассказы о «незначительных» событиях и историях, поведенных нарратором-повествователем или нарратором-рассказчиком, истории, не связанные с мотивами любви.

Между тем отдельные рассказы 1930–1950-х гг. обнаруживают некую аллюзийную связь с текстами «Темных аллей» и могли бы быть объединены с рассказами любовного цикла. Они заслуживают отдельного рассмотрения и ответа на вопрос, что «помешало» их включению в книгу. Одним из первых в этом ряду стоит «Мистраль», написанный в 1944 г. и впервые опубликованный в парижском журнале «Встреча» в 1945 г.

Уже современники И.А. Бунина воспринимали рассказ «Мистраль» как «стихотворение в прозе», отмечали в нем мощное лирическое начало, которое проявлялось в прозе И.А. Бунина «гораздо сильнее, чем в стихах» [1, с. 394]. Действительно, сюжетная канва рассказа растушевана, лишена конкретики фабульных эпизодов и опирается исключительно на смутные ночные размышления лирического героя о краткости жизни и мгновении каждого нового дня, дарованного человеку. Таким образом, напрямую рассказ «Мистраль» не связан с циклом «Темные аллей». Однако само настроение лирического героя, его философские раздумья над кратковременностью течения человеческой жизни роднят рассказ с серией любовных рассказов, ибо эксплицируют близость авторской позиции «Мистраля» «сквозному» нарратору-повествователю «Темных аллей».

Внимание героев как «Темных аллей», так и «Мистраля» неизменно опирается на философские наблюдения над законами жизненного бытия, причем ретроспективная установка и ностальгический пафос со всей очевидностью опосредуют как точку зрения автора (и героя), так и нарративную дирек-

цию всего текста. Подобно тому, как это было в текстах цикла «Темные аллей», герой рассказа «Мистраль» поверяет собственное знание жизни суждениями выдающихся – хрестоматийных или сакральных – текстов русской и мировой литературы. Как в рассказах о любви И.А. Бунин опирался на поэтические строки Н.П. Огарева («Темные аллей») или А.А. Фета («Холодная осень»), так и теперь он прибегает к авторитетному тексту Псалтыри, чтобы универсализировать собственные наблюдения, подкрепить личностные субъективные суждения объективностью библейских Псалмов. Как и в ряде рассказов цикла «Темные аллей», в «Мистрале» недостаток живых реальных впечатлений (NB: время написания цикла и рассказа «Мистраль» – годы Второй мировой войны) компенсируется обращенностью нарратора к литературным претекстам, к интертекстуальным аллюзиям и реминисценциям, к истокам *от*литературным (почти «вторичным»). Однако для И.А. Бунина именно литературная (художественно-поэтическая) реальность становится исходным – и «первичным» – условием и основанием для пробуждения ностальгических воспоминаний и подведения итогов собственной жизни (в том числе жизни лирического героя). Трагическая составляющая жизни И.А. Бунина находит отражение в драматизме судьбы одинокого лирического героя, оторванного от родины, от близких людей, от живых впечатлений реальной жизни. Единственный удел героя – память.

Самые первые строки «Мистраля» – «Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» – представляют собой цитату из Псалма 41 (Пс. 41: 8)¹. В текст И.А. Бунина входит традиционный, устойчивый, мировой символ-мотив *воды* как воплощения текучести и длительности человеческой жизни – «воды и волны» [2, с. 310]. Затекстовые образы «река жизни», «море жизненных перипетий», «океан жизненных страстей» незримо (в аллюзийных проекциях) открывают бунинское повествование, актуализируя представление о прожитой жизни (лирического героя) и ее полноте. Предикат про-

¹ Ср. Псалом 41 (Пс. 41: 8):

1:8. Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною.

1:9. Днем явит Господь милость Свою, и ночью песнь Ему у меня, молитва к Богу жизни моей.

шедшего времени «прошли» указывает на «прошедшее», «прошлость» жизненных лет героя, на «использованность» ресурсов человеческих лет, отмеренных Богом. Апелляция к священному тексту усиливает трагическую составляющую осмысления героем былого, отсылает к обширному полю библейско-философского контекста, ориентированного не на личность, но на человечество.

Вторая строка – «Вот Ты дал мне дни как пяди, и век мой как ничто пред Тобою» – цитата из Псалма 38 (Пс. 38: 6)², которая актуализирует смежный смысл – о краткости человеческой жизни, о ее *ничто*-жности («Всюду предрассветное ничто» [2, с. 311]) в сравнении с бытийственным хронотопом. *Пядь* дней людской жизни противопоставлена бесконечности и безбрежности *вечного* бытия Бога.

Лирический герой И.А. Бунина констатирует: «Ведь кратки дни мои, как пяди, И как ничто – мой век земной...» [2, с. 310]. Однако в христианскую мотивику вплетается сугубо личностное – почти атеистическое – утверждение: «Век мой, Господи, ничто не только пред Тобою, но и *предо мною самим...*» [2, с. 310]. Герой И.А. Бунина признает всеобщую краткость жизни, ее мгновенность, наикратчайшую даже в пределах жизни лирического героя, неосторожно «богохульно» сопоставленного с Ним.

Размышления героя о жизни напрямую соотносятся (как и в рассказах «Темных аллей») с состоянием природы – прием природно-психологического параллелизма организует хронотоп рассказа, смыкая образ ночи и образ никчемной («ничто») жизни. Образ-мотив «мертвого часа» [2, с. 310] становится спайкой между «мертвым сном», приближающим героя к загробной вечности, и состоянием молчаливой («мертвой») темной («тьма») полуночной природы. Отгалкиваясь от христианизированных строк Псалтыри, герой И.А. Бунина дихотомично соглашается на «иную» жизнь (готов к ней) и одновременно не хочет расставаться с жизнью здешней, настоящей.

Образ зеркала [2, с. 310] удваивает пространство жизни реальной – и мнимой, жиз-

ни подлинной – и отраженной («В зеркало углубленно уходит вторая спальня, что во всем подобна первой, будучи только ниже и меньше ее...» [2, с. 310]). Образ зеркального отражения словно помещает лирического героя на границу двух миров, двух пространств и двух временных периодов, обнаруживает пограничность (*межграницность*) положения персонажа – стареющего героя с «худым лицом <...> темными впадинами глаз <...> белеющим лбом <...> косым рядом в серебристых волосах» [2, с. 310]. Положение героя «в кровати» в еще большей мере усиливает коннотации близкого перехода, преодоления персонажем границ видимого и невидимого пространств.

Далее следующие строки из Марка Аврелия – «Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора сходить» [2, с. 311]³ – со всей определенностью подводят итог жизни героя, указуя на «последнюю пристань» житейского корабля. Неслучайны раздумья-воспоминания героя: «...было будто бы время, когда я «входил на корабль», юный, беспечный, ни о какой гавани не думающий... Где же оно, это время? Вот только *моя мысль о нем!*» [2, с. 311]. Предметность и сущностность былых событий и эпизодов утрачивает субстанциальность, реальность трансформируется в бесплотную мысль, ускользающие воспоминания.

В тексте возникает антиномия: время прошлое и настоящее, герой «юный, беспечный» и герой стареющий, прощающийся с жизнью. По сути оппозиция «тогда» и «теперь» узаконивает связь рассказа «Мистраль» с рассказами цикла «Темные аллеи» – благодаря ей продуцируется возможность для рассказа «Мистраль» быть помещенным (например) в заключительной части книжки цикла, чтобы гипотетически завершить путь становления юного беззаботного героя, который как нарратор-рассказчик (герой – участник событий) пронизывал все тексты рассказов о любви в поисках смысла бытия и которому сопутствовал образ героя-дублера, повзрослевшего нарратора-повествователя,

³ Ср. Марк Аврелий Антонин:

«Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора сходить. Следует быть правым, а не исправляемым. Избирай лучшее и держись его» («Размышления»). См.: Марк Аврелий Антонин. Размышления / подгот. изд. А.И. Доватура, А.К. Гаврилова, Яна Унта. СПб.: Наука, 1993. 259 с.

² Ср. Псалом 38 (Пс. 38: 6):

1:6. Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и век мой как ничто пред Тобою. Подлинно, совершенная суета – всякий человек живущий.

1:7. Подлинно, человек ходит подобно призраку.

вспоминающего события былого, воскрешающего в памяти события прежней жизни.

Последующая цитация из Марка Аврелия – «Ничтожна жизнь каждого. Ничтожен каждый край земли... Немного уже осталось тебе. Живи как на горе. Как с горы обозревай земное: сборища, походы, битвы, полевые работы, браки, рождения, смерти...» [2, с. 311] – уводит героя на незримую «гору», с которой он «мысленно ви<дит> Прованс, по которому мчится мистраль с дикой жаждой сокрушения всего человеческого, временно-го, ви<дит> весь этот древний край, сейчас спящий, пустой, со всеми его горами и долинами, с бледнеющими в лихорадочном блеске звезд дорогами» [2, с. 311]. Герой словно действительно восходит – возвышается – до «горней» жизни, до горних высот, теперь может обозреть все земное с вышины, разглядеть далекое прошлое в деталях.

Однако следующий пассаж автора (и героя) смыкает и уравнивает высокое и низкое, горнее и земное, человеческое и животное. В сознании лиризованного нарратора всплывает легенда-предание, хранимая в народе. «В глухих провансальских селениях <...> народ говорит, что мул есть создание вещее, редкое по сокровенности чувств и помыслов, по уму и чуткости ко всему тайному и дивному, чем полон мир, и что до рассвета стоит он в такие ночи в своем темном, холодном, насквозь продуваемом стойле с открытыми глазами, ни на миг не ослабляя слуха и внимания к «работе» мистрала: он, верно, тоже видит, чувствует этот пустой, бесконечный пролет в пространстве тех римских времен, кажущихся мне и моими собственными...» [2, с. 311]. С космической неожиданностью образ героя-повествователя, размышляющего о краткости бытия, парадоксально уподобляется образу мула, трудолюбивого выючного животного, умного и чуткого, умеющего понять «сокровенность чувств» и глубину помыслов не только человека, но мистрала, природы, Вселенной, Бога.

На этом этапе божественное и человеческое, интеллектуальное и чувственное, природное и цивилизационное, большое и малое, емкое и крошечное сопрягаются у И.А. Бунина, порождая представление о всеобщности мировых вселенских законов, которым подчиняются все и вся – люди и животные, сознание и ветер, былое и настоящее, реаль-

ное и иррациональное. В тексте рассказа И.А. Бунина происходит философическое переплетение концептов «все» и «ничто», «жизнь» и «смерть», «вечность» и «миг», внетекстово эксплицируя строки книги Екклесиаста⁴, проецируя образ всеобщего упорядоченного хаоса и констатируя «точечность» места человека в бескрайнем вселенском пространстве-времени.

В «Мистрале» бунинская лиризованная проза, почти «белый стих», верлибр (*фр. vers libre*) формирует философский *метатекст*, который пронизан размышлениями писателя (и лирического героя) о суетности и непознанности смысла пребывания человека на земле, о внепредельности положения человека в мире. Однако «сюжетное» приближение утра в рассказе-миниатюре возвращает героя к реальности, уводит его от философских абстракций и позволяет оптимистично вздохнуть: «Еще одно мое утро на земле» [2, с. 312]. Композиционно рассказ словно замыкает кольцевое обрамление, вновь возвращая лирического героя к (еще не исчерпанному до конца) настоящему – новому дню на земле.

Таким образом, рассказ «Мистраль» всем настроением и настроением наррации мог бы оказаться среди рассказов, замыкающих цикл «Темные аллеи». Авторская позиция, нарративные стратегии, использованные в тексте, свидетельствуют о том, что «Мистраль» был близок циклическим рассказам и мог быть эксплуатируем как финальный аккорд среди рассказов о любви. Однако И.А. Бунин оставил его за пределами цикла, может быть, тем самым утверждая мысль о бесконечности и вечной молодости любви, неустанной живости чувств и эмоций влюбленного человека-героя. Философичность стареющего героя-нарратора не могла помешать единству цикла «Темные аллеи», но привносила (бы) в них нотки грусти и обреченности (в целом свойственные рассказам заключительной III части книги «Темные аллеи»). Вероятно, не желая «ставить точку» в рассказовом цикле посредством мыслей достигшего мудрости стареющего героя

⁴ Ср. Книга Екклесиаста:

1:1. Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме.

1:2. Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!

1:3. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?

(мыслей о ничтожности и мгновенности жизни), сохраняя «открытость» цикла (неоднократно отмечаемую исследователями), И.А. Бунин оставил «Мистраль» за рамками *любовно* организованного циклического единства, сохраняя его тематическую и «математическую» (числовую) цельность.

Время написания «Мистраля» – 1944-й год – позволяло И.А. Бунину вобрать рассказ в единый цикл рассказов о любви. Однако грустно-трагические размышления о неизбежности человеческой смерти-уходе могли приглушить романтико-мелодраматическую тональность книги, в финале цикла сместить философский акцент с размышлений о любви в сторону раздумий о бренности и краткости людской жизни. Мотив одиночества, пронизывающий текст «Мистраля», мог «поколебать» действенность любовной мощи и силы, пошатнуть модель восприятия. Вероятно, поэтому рассказ «Мистраль», близкий и понятный многим эмигрантам-современникам И.А. Бунина, предававшимся тем же раздумьям о приближающемся земном «освобождении», остался за рамками основного корпуса рассказов «Темные аллеи», но не дисгармонировал с ними, а скорее наоборот – поддер-

живал их, создавая внециклический контекст «малых» жанровых – рассказовых – форм.

Список литературы

1. *Гречанинова В.* Комментарии // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худ. лит., 1966–1967. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931–1952 гг. С. 351-396.
2. *Бунин И.А.* Мистраль // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худ. лит., 1966–1967. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931–1952 гг. С. 310-313.

References

1. Grechaninova V. Kommentarii [Comments]. *Sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1966–1967. Vol. 7. Temnye allei. Rasskazy 1931–1952 gg., pp. 351-396. (In Russian).
2. Bunin I.A. Mistral' [Mistral]. *Sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1966–1967. Vol. 7. Temnye allei. Rasskazy 1931–1952 gg., pp. 310-313. (In Russian).

Поступила в редакцию 30.01.2017 г.
Received 30 January 2017

UDC 82-3

STORY BY I.A. BUNIN “MISTRAL” IN THE CONTEXT OF THE SERIES “DARK ALLEYS”

Olga Vladimirovna BOGDANOVA

Doctor of Philology, Leading Research Worker of Philology Study Institute

Saint Petersburg State University

11 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russian Federation, 199034

E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Liu Ziyuan

Lecturer of Russian Language Faculty

Jiamusi University

148 Xuefu St., Jiamusi, Heilongjiang, People's Republic of China, 154000

E-mail: kaiji1985@163.com

The story of I.A. Bunin “Mistral” is discussed. The analysis establishes a conceptual link with a series of short stories about love “Dark alleys”. Intertextual context, allusions, reminiscences of “Mistral” are established. It is shown that references to the Bible and the Psalms allow the artist to touch philosophical questions about the meaning of human life, human personality, conscious of its life limits. The philosophical attitude of the narrator-narrator in “Mistral” was alien to the optimistic susceptibility of the hero of “Dark alleys”. It is demonstrated that “eternal” and “accursed” questions in human life – taken in the view of I.A. Bunin new philosophical emphases, is treated under a new thoughtfully angle. The analysis shows that the philosophical and psychological vectors of the story “Mistral” allowed I.A. Bunin to include it in the series “Dark alleys”. But the pessimistic note of the author's view dictated its autonomy and isolation from the cyclical texts.

Key words: Russian literature of the XX century; I.A. Bunin; the story “Mistral”; series “Dark alleys”; intertext

Для цитирования: Богданова О.В., Лю Цзыюань. Рассказ И.А. Бунина «Мистраль» в контексте цикла «Темные аллеи» // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 64-68.

For citation: Bogdanova O.V., Liu Ziyuan. Rasskaz I.A. Bunina «Mistral'» v kontekste tsikla «Temnye allei» [Story by I.A. Bunin “Mistral” in the context of the series “Dark alleys”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 2 (10), pp. 64-68. (In Russian).